

Catull. 38, 7–8: упрек другу-стихотворцу

Михаилу Георгиевичу Альбрехту, старому знакомцу петербургских филологов, не походившему на Корнифиция в трудные для них годы.

Нас будет занимать обращение Катулла к Корнифицию – по-видимому, тому самому, который занимался аттицистическим красноречием и неотерическими опытами в ‘легком’ жанре (Ovid. *Trist.* II, 436: *leve Cornifici... opus*), а позже был известен как военный и политический деятель¹. В центре внимания будет концовка стихотворения, небезразличная для восприятия небольшого послания в целом. Выпишем текст полностью, ориентируясь на издательскую вульгату:²

Malest, Cornifici, tuo Catullo,
malest, me hercule, et laboriose,
et magis magis in dies et horas.
quem tu, quod minimum facillimumque est,
5 qua solatus es allocutione?
irascor tibi. sic meos amores?
paulum quid lubet allocutionis,
maestius lacrimis Simonideis.

I malest *Lachmann*: male est si Carnifici V | 2 malest *Lachmann*: male si me V, male est si r; et V: et ei *Lachmann*; et est *Sillig* | 6 meos *codd.*: tuos *Baehrens* | 7 quid lubet

---

¹ F. Münzer. *Cornificius* 8 // *RE* IV, 1 (1900) 1624–27 (просопографическая часть статьи); M. Schanz – C. Hosius. *Geschichte der römischen Literatur* I (München 1927 = 1979) 308–310. отождествление приятеля Катулла, поэта-неотерика и государственного деятеля, с корреспондентом Цицерона (*Fam.* XII, 17–30) считается общепризнанным.

² Важнейшие разночтения приведены по аппарату изданий: *Catulli Veronensis liber*, ed. M. Schuster – W. Eisenhut (Lipsiae 1958) 114; *C. Valerii Catulli Carmina. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* R. A. B. Mynors (Oxonii 1958) 27 sq. Подробнее старый аппарат Р. Эллиса: *Catulli carmina. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* R. Ellis (Oxonii 1904 [1911]) и новый А. Бардона: *Catulli Veronensis Carmina. Iterum ed.* H. Bardon (Stuttgart 1973) 38.

codd.; quid iubet *ed. 1481*, quid iuvat *Vossius* | 8 *post v. 8 lacunam suspicavit Parthenius*; misisses *pro maestius coniecit Staius*;³ с. 2 а, 1–3 *huc transposuit Fröhlich*.

Несмотря на разногласия издателей относительно частностей текста и подробностей interpunkции в с. 38, стихотворение можно отнести к числу относительно благополучных в текстологическом отношении. В общих чертах бесспорно и содержание пьесы: поэт давно (как ему кажется) нуждается в сочувствии со стороны поэтического собрата, но ожидаемых знаков дружеского участия пока не дождался.⁴

Ориентируясь на конструкцию *carum nescio quid lubet iocari* в с. 2, 5, сказуемым в с. 38, 7–8 при подлежащем *paulum quid (allocutionis)* в старину часто считали *iubet*.⁵ Р. Эллис не согласился с таким грамматическим толкованием,⁶ а Г. Фридрих выдвинул против него следующее возражение:⁷ в грустно-игривом с. 2, 5 *iubet* как сказуемое уместно, между тем как среди сетований и попреков, обращенных к Корнифицию, оно же звучало бы вяло.⁸ Находя в с. 38 “почти не артикулированный способ выражения”, т. е. объясняя некую отрывистость дикции невыносимостью душевных мук поэта, Фридрих, вслед за Эллисом, считал необходимым в ст. 7–8 домысливать императив наподобие *<da, praebe>*; такой эллипс, по мнению обоих названных комментаторов,

³ *C. Valerii Catulli, Albi Tibulli... opera omnia quae extant cum variorum doctorum virorum commentariis, notis, observationibus... unum in corpus congestis (Lutetiae 1604) 102 sqq.* В этом издании *triumviri amoris* снабжены сводкой энергичной работы комментаторов XVI в.

⁴ Написание *Carnificius* выдает – если оно не простая случайность – восприятие переписчика, который подспудно готов довести упреки Катуллу до крайности (*carnifex!* cf. *Cat. 97, 11 sq.*). Обращает на себя внимание и неожиданно сильное выражение *se stuciantī*, примененное в комментарии Партения (см. прим. 3) к отношениям Катуллу и Корнифиция.

⁵ Об этом кроме прямых высказываний свидетельствует, скорее всего, исправление *iubet* на *iuvat* или *iubet* у старых филологов; некоторые данные нашего аппарата приведены по изд.: *C. Valerii Catulli liber. Texte revue par E. Benoist et E. Thomas. II (1890 [1920]) 469.*

⁶ R. Ellis. *A Commentary on Catullus* (Oxford 1867 [1889]) 105 ff.

⁷ *Catulli Veronensis liber. erklärt von G. Friedrich (Leipzig – Berlin 1908) 139 (комм. к с. 15): 201.*

⁸ Возможность конструкции с *iubet* в качестве сказуемого в ст. 7 не исключается, но справедливо признается менее правдоподобной в комментарии: *Catullus. A Commentary* by C. J. Fordyce (Oxford 1961) 183.

отвечает ситуации и находит превосходную параллель у Катулл (с. 55, 10): *Camerium mihi, pessimae puellae! (scil. reddite)*.

Представление об эллиптической природе ст. 7–8 с пропуском какого-либо *verbum praebendi*⁹ возобладало в последующее время; при этом слова *paulum quidlibet allocutionis* понимались как мольба поэта о нескольких (добрых) словах, с какими принято у друзей обращаться друг к другу. Фридрих заметил, впрочем, что подчеркивание незначительности и легкоисполнимости просьбы (v. 4: *minimum facillimumque*) вступает в некоторое противоречие со словами *maestius lacrimis Simonideis*: получается, что поэт просит друга-стихотворца *невзначай* превзойти высочайшие литературные образцы.

Если многие переводчики, следуя Эллису и Фридриху в восприятии концовки стихотворения, привносят смысл уступительности в передачу последней строки,¹⁰ то это, надо полагать, связано с желанием смягчить указанное выше противоречие. Между тем, как давно было отмечено,¹¹ уступительный смысл, если бы автор вкладывал его в с. 38, 8, был бы выражен соответствующими средствами, а потому правильнее обойтись без него.

Оценив упомянутое противоречие как легкое, Фридрих не счел его несовместимым с той интерпретацией, которой сам он придерживается.¹² Лучше, однако, не закрывать глаза на это и признать апорию традиционного толкования: не странно ли, в самом деле, что утешение со стороны приятеля представляется то неприятнейшей вещью на свете (ст. 4–7), то должно превзойти классику литературного сострадания (ст. 8)?

Кризис в жизни поэта и с. 38

Наряду с анализом этих и подобных им деталей о с. 38 давно велись споры, вызванные желанием понять, на какие же беды Катулл

⁹ В том же духе чаще всего восполняют и эллипс глагола, угадываемого при *sic meos amores* в ст. 6; так по Шустеру – Эйзенхуту в ст. 6 подразумевается <*mihi reddis*> (Schuster – Eisenhut [см. прим. 2] 122, *Index verborum et locutionum*, s. v. *ellipsis*). Ср. ниже прим. 17.

¹⁰ Напр.: Катулл. Перевод С. В. Шервинского (Москва 1986) 25, – чтобы сослаться на работу, сопровождавшую русского поэта-переводчика в течение его долгой творческой жизни.

¹¹ Против привнесения уступительности в толкование последнего стиха с. 38 определенно высказался А. Ризе: см. *Die Gedichte des Catullus*, hrsg. und erklärt von A. Riese (Leipzig 1884) 75 f.

¹² *Catulli Veronensis liber*, erklärt von G. Friedrich, 201: ‘leiser Widerspruch’.

сетует в стихах к Корнифицию. В качестве причины бедственного положения, на которое жалуется Катулл, обсуждалась смерть его брата, нанеся чувствительному к семейным ценностям поэту (с. 68, 19–26; с. 79, 2) тяжелейший, если не фатальный, удар (с. 65, 1–14).

Другие обнаруживали в тексте связь с. 38 с болезнью самого Катулла, причем особенно притягательной казалась та самая, что унесла поэта в раннюю могилу. Филологов явно увлекал образ Катулла, на смертном одре сочиняющего Корнифицию *carmen* 38 – свою “лебединую песнь”. Как и в предыдущем случае, когда стихотворение воспринимается, так сказать, на фоне смерти, опорой служили слова *male est* из начала и *lacrimae Simonideae* в конце миниатюрного послания. Упоминание о Симониде с его знаменитыми *Плачами* (Θρήνοι) и надгробными эпиграммами воспринимается в этой перспективе как литературный намек умирающего на то, что другу Корнифицию пора братья за стихи, оплакивающие раннюю смерть Катуллового брата или скорую кончину самого страдальца-поэта.¹³

Не исключалось, впрочем, и то, что за страданиями поэта, на которые намекает с. 38, стоят горестные любовные *перипетии* – будь то в отношениях Катулла с Лесбией, будь то в каких-нибудь иных его увлечениях.¹⁴ Подозрение исследователей в разрушении дорогого поэту любовного союза падает иногда и на адресата¹⁵ – для этого стоит лишь (а) *meos amores* понять персонализированно, а именно как парафраз того или иного (внешнего обоим) предмета страсти независимо от его пола;¹⁶ (б) в брахилогически оформленном вопросе ‘*sic meos amores?*’ в качестве опущенного глагола мыслить какое-нибудь *verbum* (*male*) *tractandi*.¹⁷

¹³ Эту точку зрения, которую развивал Ф. Копли (см. прим. 21), реферирует и К. Квинн: см. K. Quinn. *Catullus. The Poems* (London ²1973) 208.

¹⁴ G. Friedrich. *Op. cit.*, 198: ‘Liebesglut’; В. Кроль (C. *Valerius Catullus*. Hrsg. und erklärt von W. Kroll [Leipzig und Berlin ²1929] 71): ‘Liebesgram’.

¹⁵ G. Wissowa s. v. *Cornificius* 8 // *RE* IV 1 [1900] 1628 (вторая – литературоведческая – часть статьи о Корнифиции в этом издании): ‘eifersüchtige Liebe’; R. Ellis. *A Commentary...*, 105.

¹⁶ Ср. с. 40, 7 или *mei lepores* из с. 32, 2 (о возлюбленных поэта). К смыслу вопроса ‘*sic meos amores?*’ вернемся ниже (ср. ниже прим. 72–74).

¹⁷ Кроме <reddis>. вопрос восполняли и с помощью близкого <curas> (ср. ниже прим. 90); <contemnis и т. п.; в другом направлении – как асс. с. inf. – шло восполнение <se gerere>; были и другие восполнения.

Наконец, непосредственной причиной угнетенности поэта, “последней каплей” могло быть то самое, что непосредственно выражено в разбираемом стихотворении – *разочарование в дружбе*, перипетии которой римский поэт переживал не менее остро, чем любовные,¹⁸ хотя, вообще говоря, нельзя а limine исключать и любовные в прямом смысле слова отношения обоих молодых поэтов. В самом деле, далеко неоднозначное выражение *meos amores* можно, как в предыдущем случае, толковать персонализированно, но на этот раз в смысле: “Это так-то поступает *любовь моя* (Корнифиций)?”, или неперсонально, хотя опять же в применении к адресату: “Неужто таков удел *моей любви* (к Корнифицию)?”¹⁹

Подытоживая этот обзор версий о биографическом фоне с. 38, мы видим, что первые два варианта нетрудно привести к общему знаменателю: это не только серьезные, но и необратимые, так сказать абсолютные, беды. Вторые два в свою очередь сводимы к общему понятию *dépits amoureux*; это тоже муки, хотя мучение идет здесь от преизбытка жизни, а не от смерти с ее нищей прямоотой.

Взвесим теперь один за другим перечисленные выше варианты исходной ситуации, отразившейся в стихах к Корнифицию. Против того, что *смерть брата* была непосредственной причиной тяжелого состояния поэта, говорят слова *magis magis*;²⁰ о том, что Катулл вряд ли думает сейчас именно и прежде всего о брате, говорит, пожалуй, и стихотворный размер с. 38: о смерти брата поэт пишет всегда элегическим дистихом (это и с. 101, и с. 65, и с. 68). Тон высказываний об этом безмерно тяжком для Катулла горе далек от какой бы то ни было игры, и если в с. 68, 19–32, 89–100 слова о рано ушедшем вплетены в любовную повесть, то и любовь выступает там в трагичнейшем из своих обликов.²¹

Что касается *болезни самого Катулла*, то – по счастью – не всякий, кто говорит, что ему плохо, или даже совсем плохо, на

¹⁸ Римляне – как современники Катуллы, так и более поздние – охотно называют отношения в дружбе словом *amor*. Примеры из взятых наугад текстов: Cic. *Fam.* XII, 29, 1; 30, 3; Plin. *Ep.* 7, 31.

¹⁹ Конъектура Э. Бэрнса *tuos amores* давала бы, по замыслу этого комментатора, указание на самого Катуллы; при изобилии смысловых возможностей у рукописного *meos* такое решение не столько смело, сколько избыточно.

²⁰ Этот штрих до Г. Оффермана (H. Offermann. *Zu Catulls Gedichtcorpus // RhM* 120 [1977] 275 f.) был отмечен уже Г. Фридрихом (см. прим. 7, *ibidem*).

²¹ К версии о с. 38 как навеянном смертью брата склонялся Ф. Когли (Frank O. Colley. *Catullus*, с. 38 // *TAPA* 87 [1956] 129).

другой день умирает. Версию о Катулле, умирающем с ‘malest, Cornifici, tuo Catullo’ на устах, чтобы в стт. 7–8 заказать эпитафию самому себе, отверг Ф. Копли, справедливо считавший, что Катулл не способен на такого рода “тримальхионство” (Trimalchionics).²² Что до “умирающего” слога разбираемых восьми строк,²³ то нам еще придется вернуться к вопросу о том, таким ли беззащитным тоном написана эта пьеса.

Оставим версии беды как отправной точки стихотворения – обсудим версию обиды. Пусть страдания поэта вызваны *ревностью*. В с. 38 незаметно, однако, следов той страсти, которая составляет славу многих стихотворений, посвященных Лесбии или Ювенцию. А если бы Корнифиций оказался еще и виноват в любовных невзгодах Катулла, то поэт, по своему обыкновению, отозвался бы на это с недвусмысленной яростью (ср. с. 15; 40; 58, 72, 78 а, 81; особенно примечательны резкости в с. 16, 21–23 после нежностей к тем же лицам в с. 11).

Конечно, немалая часть страданий поэта связана с какими-нибудь любовными перипетиями, но это остается за рамками стихотворения. К бедам поэта добавилось, по всей видимости, и переполнившее чашу страданий *разочарование в дружбе или, по меньшей мере, в друге*. Слова *tuo Catullo* в с. 38, 1 показывают, что дружба была близкой (ср. с. 53, 3; 10, 1; 13, 1 и т. д.) и все еще не забыта. Вечные перипетии *odi et amo*, или поэзия живых, а значит, непостоянных чувств²⁴ покоряет читателей Катулла решительнее, чем так называемые *Basiagedichte* или гиперболически грубые инвективы. Дружеская обида венчает тот общий кризис, о котором поэт и сам, надо полагать, не знает, каким образом выстроились его причины.

²² Ф. Копли перечисляет критиков, развивавших версию “Катулл на смертном одре пишет с. 38” (*op. cit.*, 125). Его критика этой версии также нашла поддержку у А. Кана (H. Akbar Khan. An interpretational crux: Catullus LV and LVIII a // *CIW* 69 [1976] 374 f.). Впрочем, гораздо раньше этот подход высмеял К. П. Шульце (K. P. Schulze. *Catullforschungen* [Berlin 1881] 196 f.): кому очень хочется видеть умирающего Катулла, тот, скорее чем на с. 38, пусть ссылается на с. 52: *Quid est, Catulle? quid moraris emori?* Другое дело, что у Катулла есть пародия мотива предсмертных напутствий (S. Levin. A Dying Man’s Farewell. Parodied by Catullus // *CIW* 69 [1976] 374 f.).

²³ Так считал, например, Г. Фридрих, мнения которого неоднократно приводились выше (см. прим. 7).

²⁴ A. L. Wheeler. *Catullus and the Tradition of Ancient Poetry* (Berkeley 1934. repr. 1964) 44: “Catullus is the poet of hate and love, and his own words, *odi et amo*, might serve as captions for the two largest groups of his poems, the invective and erotic”.

Разобранные биографические версии имеют, несмотря на различия, ту общую черту, что все они признают за сетованиями поэта в с. 38 серьезную основу в жизни. Это, наверное, справедливо, потому что отвечает прямому характеру Катутлла. Неудивительно, впрочем, что в стихотворении, конец которого воспринимается как просьба о стихах, критика начинала искать признаки литературности и иронии. Умильные просьбы, а иногда и шуточные угрозы ради получения какой-нибудь художественной новинки в продолжение литературной игры – обычны как для Катутлла (с. 50, 18 sqq.; с. 58, 18 sqq.; с. 65; с. 68, 1–10), так и для других римских писателей.²⁵ В поисках утешения через литературу то ли сказывается вера в исцеление через нее,²⁶ то ли – это представлялось некоторым филологам вероятнее²⁷ – выражается шуτικότητα в обращении одного литератора к другому:²⁸ “*Положение мое таково, что писать ко мне надо под Симиониди*” или даже так: “*Нашу дружбу – по твоей вине – оплакать бы Симиониду*”.

Ш. Бэйкер верил в то, что ему удалось обнаружить неприметную игру слов в ст. 2. Близость ‘Hercule... laboriose’ намекает, на его взгляд, на подвиги Геракла, так что получается ‘a punning equation between his (т. е. Катутлла. – А. Г.) troubles and the labors of Hercules’.²⁹ Разумеется, такой штрих разительно усиливал бы игровой момент в жалобах поэта, в чем Бэйкер угадывал “brave ironic joke of his misery”. Между тем, эта не без остроумия разработанная комбинация является, скорее всего, фантомом: не только расхожее междометие *hercule*, но и формы от *laboriosus* употребляются в латинских текстах достаточно часто (ср. с. 1, 7 того же Катутлла или фрагмент Лициния Кальва³⁰), а потому и встреча их вряд ли столь

²⁵ Ср.: Cic. Att. XII, 6, 2: quo modo haec ergo lues? Uno scilicet, si mihi librum miseris: quod ut facias, etiam atque etiam rogo. Удивительным образом в переписке Цицерона с тем же, как считают, Кв. Корнифицием почти в каждом письме содержатся сетования на недостаточность полученной почты (Fam. XII, 19, 3; XX, 30, 1) – правда, теперь скорее со стороны Корнифиция. Ср. ниже с. 13.

²⁶ Катартические свойства музы – чужой и собственной – настойчиво рекламировались в древности; например, Verg. Aen. X, 191: maestum Musa solatur amorem.

²⁷ Catullus. Edited with introduction and notes by G. P. Goold (London 1983) 243: “A playful poem, which... we are not to take too seriously”.

²⁸ Любопытно сопоставить по тону irascor tibi из с. 38 и с. 35, 16 sqq. с ero ignosco tibi (как то, так и другое в третьей строке от конца стихотворения, на его, так сказать, выдохе): в последнем случае обмановка литературной игры в той же неогерической среде очевидна.

²⁹ Sheridan Baker. Catullus 38 // CPh 55 (1960) 1: 37–38.

³⁰ Среди скудных фрагментов Кальва (Fragmenta poetarum Romanorum. Ed. Aem. Baehrens [Lipsiae 1886] 320, fr. 2 = Aul. Gell. IX, 12) находится удивительная парал-

многозначительна.³¹ Другое дело, что *laboriose* не совсем случайно оказалось в соседстве с именем великого героя. Ведь известно обыкновение древних ссылаться не на кого угодно из богов, а делать это ситуативно. Поэтому в с. 1, где речь идет о всемирной истории Корнелия (Непота), Катулл гарантом многотрудности этого предприятия делает Юпитера: в ситуации же с. 38, где речь идет о сверхчеловеческих страданиях поэта, уместнее было упомянуть Геракла. Иначе говоря, связь между *Hercule* и *laboriose* существует,³² только смысл ее не тот, какой Бэйкер хотел ей приписать.³³

Вообще необходимо признать, что просьба Катулла о выражении сочувствия в виде произведения соответствующего литературного жанра, которую сравнивают с просьбой Аллия в с. 68, сама по себе вносит в с. 38 элемент игры, ослабляя сообщение Катулла о постигших его невзгодах – тех самых, безмерности которых исследователи склонны верить буквально. Иначе говоря: кроме уже отмеченного выше противоречия в толковании, которое в основных чертах можно считать общепринятым, выявляется еще одна присущая ему неувязка: стихотворение воспринимается как смертельно серьезное, а вместе с тем ему приписываются литературно-игровые элементы. Конечно, это можно гармонизировать в том смысле, что Катулл умеет, страдая, светски держать себя в узде.

Кроме того, просьба в конце стихотворения должна бы озадачивать внутренним разладом: сперва решительное недовольство приятелем и тут же умильнейшее заклинание: ведь анафорически поставленные *quidlibet*, с одной стороны, и *maestius*, – с другой, с единым для обоих примысливаемым сказуемым вроде <don>, закрепляют настойчиво-просительную интонацию. Наконец, уместно еще одно недоумение психологического характера: поэт, конечно, ценит поэтическое слово, и можно представить себе, что он надеется лечить свою скорбь скорбными же стихами – сам он и умел, и считал своим долгом утешать друзей (с. 68, 1–10, 149–156; с. 102). Не странно ли, однако, что Катулл

лель: *durum rus fugit et laboriosum* (чтение, правда, не единственное, но соблазнительное).

³¹ Осторожнее поэтому – расе Baker – оставаться при написании *herc(u)le* со строчной буквы.

³² K. Quinn (см. прим. 13) 74.

³³ Вторая игра слов, о которой говорит Бейкер, связана с (*h*)*ei*, которое он считал нужным понимать в двух смыслах – (а) дат. падежа местоимения; (b) междометия. Применительно к *ei* натянутость предположения, которое к тому же основано на восстании Лакманна, вполне очевидна. Ср. ниже прим. 48; см. также: С. J. Fordyce (см. прим. 8) 183.

с его безудержной прямоотой ставит выпрошенные у приятеля литературные опусы выше правды собственных чувств?

Резюмируем наши соображения о внутренних противоречиях тех толкований с. 38, которые возобладали в последние два столетия: Катутлу безмерно тяжело, но он тут же шутит; обвинив приятеля, он сразу же просит его об одолжении; желая получить малую житейскую помощь, требует от приятеля словесного шедевра; наконец, он хочет справиться со своим горем с помощью стихов, которые способны еще хуже растравить его раны. Неопределенность биографических обстоятельств, однако, не освобождает от необходимости искать в произведении *связность*, без которой оно немислимо.

Великие эрудиты XVI–XVII вв. относились к с. 38 настороженнее, чем филологи последующего времени. Партений (изд. 1486) писал по поводу концовки: *locus mancus ac maxime depravatus, nullam accipit interpretationem*. Поправку Стация (Achilles Statius – латинизированное имя португальца Estação, изд. 1566) в последнем стихе мы уже приводили (см. прим. 3); в предыдущих двух строках он воспринимал *'sic meos amores paulum'* как целое, ставя точку после последнего. Автор латинского комментария к *Amours* Ронсара и наставник Монтеня, Мурет (Марк Антуан Мюре, 1526–1585)³⁴ этими решениями относительно концовки с. 38 Катутла был не удовлетворен: *ego deduci ad hanc sententiam non possum: omninoque deesse aliquid existimo*.³⁵ Фантастичнее всех выглядела, пожалуй, идея Жозефа Скалигера, который понимал *meos amores* как *catamitum meum*, а дальше предлагал такую ситуацию: Корнифиций не утешил τὰ παιδικὰ нашего поэта – *inde irae*. К этому предложению Скалигера еще более, чем к агностицизму Мурета, применима стихотворная реплика Яна Дуза на толкование последнего: *pace tua liceat nobis, Murete, profari: / nescioquis sensus non placet iste mihi*.³⁶

Связка в ст. 7–8: афэреза или эллипс?

Переходя к позитивной части нашего рассмотрения, заметим, что подавляющее большинство издателей Катутла, по-видимому, без коле-

³⁴ R. Pfeiffer. *Die Klassische Philologie von Petrarca bis Mommsen* (München 1982) 135; 143.

³⁵ Среди немногих, кто последовал за Муретом в этом предположении, был Э. Бэренс (*Catulli Veronensis liber*, recensuit Aem. Baehrens [Lipsiae 1885] ad loc.): *dubii haeremus de traditae lectionis integritate*.

³⁶ Мнения старых филологов по большей части взяты из изд. 1604 (см. выше прим. 3). Всегда поучительно освежить в памяти то, что говорит об этих филологах У. Виламовиц: см. U. von Wilamowitz-Moellendorff. *Geschichte der Philologie* (Leipzig 1927 = anastat. 1959) 23–26.

баний ставят запятую в конце ст. 7,³⁷ что делает ст. 8 приложением к предыдущему стиху. Исключения крайне редки.³⁸ При терпеливом наблюдении за мнениями толкователей и(ли) переводчиков можно, тем не менее, обнаружить любопытное отклонение в интерпункции заключительных строк из с. 38. Т. Хайзе³⁹ почти полтора столетия тому назад не ставил после ст. 7 запятой, сознательно делая *maestius* предикатом к с. 7, чему соответствовал (его же) перевод:⁴⁰

Rührt doch tiefer ein einzig Freundeswörtlein
Als Simonides' tränenfeuchte Lieder.

³⁷ Мы имеем в виду подавляющее большинство изданий, начиная, по крайней мере, с изд.: *C. Valerii Catulli opera. Ex castigationibus observationibusque Graevii, Vossii et Volpji emendata.* В экземпляре РНБ (шифр 7. IX. 4. 103) года и места издания нет (судя по всему – середина XVIII в.). Назовем и одно из последних изданий Катуллы, где запятая между ст. 7 и ст. 8 стоит на своем обычном месте: *Catullus. Edited with a Textual and Interpretative Commentary by D. F. S. Thomson* (Phoenix. Suppl. 34, Toronto – Buffalo – London 1997).

³⁸ Запятая после ст. 7 отсутствует, например, в одном из ранних изданий: *Catullus, Tibullus, Propertius* s. l., s. a. (в экземпляре РНБ, шифр: 7. II. 8. 44, от руки проставлено: Lugduni MDXVIII) и в “Филологических заметках” А. Турнеба (*A. Turnebus. Adversariorum libri XXX* [Parisiis 1564] l. XXI, с. 27 = t. 2, 256; см. ниже прим. 90). Кроме того, нам известны три воспроизведения стт. 7–8, где запятая между ними отсутствует. Так было в старом издании *Commentarii variorum* 1604 г. (см. прим. 3), 102: в заметке Импеллицери (*S. Impellizzeri. A Catullo 38, 7–8 // Rivista Indo-Greco-Italiana di Filologia* 21 [1937]: 3–4, 52); в статье Г. Виссова (см. выше прим. 15). Тем не менее, во всех этих случаях содержащееся в стт. 7–8 высказывание воспринимается все-таки как просьба.

³⁹ Т. Хайзе был представителем среднего поколения известной на протяжении всего XIX в. филологической семьи; его отец, Иоганн Кристиан Хайзе, известен как педагог и составитель словаря иностранных слов в немецком языке, для которых он предлагал свои *Verdeutschungen*; брат Теодора Хайзе был языковедом, продолжавшим дело отца; племянником обоих был филологически образованный писатель Пауль (фон) Хайзе. Теодор Хайзе жил по преимуществу в Риме; Катуллом он занимался всю жизнь, веруя в свою конгенитальность римскому поэту. Обладая научной выучкой, он не уставал сомневаться в своих решениях, чтобы затем дерзать снова. Издатель второго (посмертного) издания перевода Т. Хайзе (*Catulls Buch der Lieder. Mit Nachbildung im Originalversmaß von Th. Heyse* (Berlin 1855 [21889 без латинского текста, но с правкой по архиву Хайзе] XVI) цитирует из его дневника: “...man muß zu- und durchgreifen, sonst tut man keinen Schritt und kommt nicht vorwärts”.

⁴⁰ *Catulls Buch der Lieder... ad loc.: Das Buch Catulls aus Verona.* Nach Th. Heyse und anderen bearbeitet von Wilhelm Schöne (München 1925) 20. Примечательно: хотя в издании В. Шене связь перевода с пониманием концовки с. 38 по Хайзе заявлена прямо, традиционная запятая после с. 7, исключая такая толкование, в латинском тексте опять поставлена (ср. прим. 37 и 90).

Несмотря на молчаливое, а иногда и прямое несогласие некоторых комментаторов⁴¹ с таким решением, это понимание заключительных строк с. 38 повлияло на ряд переводчиков,⁴² особенно русских. Из русских переводов, в которых концовка с. 38 истолкована в духе утверждения, а не просьбы,⁴³ приведем (сколько нам известно) первого – А. Фета (в слове, которое ближе к *Freundeswörtlein* Хайзе, чем к *allocutio* Катуллы, курсив, разумеется, наш):⁴⁴

Словцо участия отрадней без сомненья
Всех симонидовских красноречивых слез.

Идея, что *maestius* из ст. 8 является сказуемым к группе подлежащего, выраженной в ст. 7, отчетлива и интересна; другое дело, что встает вопрос, насколько правдоподобно у Катуллы предложение с именным сказуемым без связи.

Разберем сначала такую возможность: что если связка *была*? Не случилось ли так, что после *maestius* в том или ином виде *est* изначально читалось, а затем, в результате афэрезы начального гласного, элизии⁴⁵ или слияния⁴⁶ приобрело форму *maestius't*, после чего (на этот раз вследствие *механической* порчи в рукописной тра-

⁴¹ Так, Р. Эллис (см. соч., цитированное в прим. 6, 106) оценивал толкование Т. Хайзе как неприемлемое.

⁴² *Catulls ausgewählte Gedichte* verdeutscht von F. Pressel (Berlin 1885) 22: Ach, Simonides nicht vermag zu trösten / Wie ein einziges Wort von Freundesmunde.

⁴³ Из русских переводчиков Катуллы, кроме А. Фета (1886), такое толкование заключительных строк приняли А. И. Пиотровский (1929) и Я. Голосовкер (1955). С. В. Шервинский в передаче с. 38, 7–8 примыкает к преобладающей немецкой традиции.

⁴⁴ Стихотворения Катуллы в переводе и с объяснениями А. Фета (Москва 1886) 34. Фет дает и пояснение: “Можно допустить, что этот у п р е к (разрядка моя. – А. Г.) другу Корнифицию... был написан во время последней болезни Катуллы”. Хотя Фет пользовался прежде всего изданием Л. Швабе, которое он сам называет (*ibidem*, 14), опирался он – как мы с определенностью видим в нашем случае – и на переводы; это не удивительно, если учесть, что, переводя латинских авторов, он прибегал иной раз и к помощи консультантов, подробно разъяснявших ему латинские тексты (Афанасий Фет. [Мои] Воспоминания. II [М. 1992] 387–390).

⁴⁵ Ср. 116, 8: tu dabi(s) supplicium (Schuster – Eisenhut. *Op. cit.*, 114).

⁴⁶ М. Nyman. *Ubi est and ubist. The Problem of Latin Aphaeresis and the Phonology of esse* (Turku 1974). Это исследование показывает (*op. cit.*, 16, п. 18) как зыбки грани между афэрезой, синалефой, элизией и слиянием – афэрезу даже называют иногда ‘fore-elision’, или ‘prodelisio’. Ср. J. Leonhardt. Die Aphärese bei est in der Geschichte der lateinischen Metrik // *Glotta* 66 (1988) 244–252: афэреза в сочетаниях со связкой (Marius

диции) также и конечное *-t* оказалось утрачено? У Плавта, по крайней мере, после форм на *-us* с последующей связкой в 3 л. ед. ч. нередко засвидетельствованы (метрически подтвержденные) формы *-us't*.⁴⁷ Что касается Катутлла, то у него, конечно, в изобилии встречаются случаи, когда *-um + est* произносятся в один слог; наблюдаются у него подобные случаи и в типе (fem.) *-a + es/est* (66, 27–29: *oblita es* и др.). Несомненный случай процессов такого рода представлен (дважды) и прямо в разбираемом нами с. 38: *male (e)st* в ст. 1–2.⁴⁸

В издании Шустера – Эйзенхута приводятся следующие места из Катутлла как содержащие афэрезу: 23, 27; 49, 7; 66, 27; 38, 1–2; 62, 8; 63, 49; 96, 5. К этому перечню Уэтмор,⁴⁹ списки которого тем ценнее, что он последовательно учитывает текстологический аспект, добавляет следующие случаи: 115, 7; 5, 7–8; 54, 1; 64, 109; 68, 28, 39; 97, 3; 107, 3; 110, 7; 112, 1. Примечательно, что те или иные текстологические трудности встречаются не только в тех трех пассажах, что признаны спорными у Шустера – Эйзенхута, а практически во всех названных ими пассажах. Для нас, впрочем, важны не все примеры афэрезы у Катутлла, а прежде всего сочетания на *-us + es(t)*.⁵⁰

Так, тип афэрезы, который сейчас в особенности нас занимает, находят в сс. 23, 27 и 49, 7, где приходилось выдвигать спорные текстологические решения. В с. 23, 27 издатели чаще всего следуют старой поправке *nam sat es beatus* (Io. Calphurnius, Kroll, Helm, Schuster – Eisenhut, Mynors); иные принимают поправку Бергга *nam satis beatus* (Ellis, Merrill). Принимая в текст конъектуру *sat es* Шустер – Эйзенхут приводят руко-

---

Victor. *GL* VI, 22. 14 sqq. Keil) оказалась забыта примерно с V в. н. э., пока ее не открыли вновь в XIX в.

⁴⁷ Вот примеры из одной только сцены “Пленников”: v. 984: *Paegnium vocitatus, post vos indidistis Tyndaro*; v. 992: *nam is mecum a puero puer / bene pudiceque educatus usque ad adolescentiam*; v. 994: *eo miser sum quia male illi feci, si gnatus meus* (издатель – У. Линдсей (W. M. Lindsay) – не прибегает к графике типа *vocitatu's* и т. п.). О том, что *est* после слов на *-us* часто опускалось переписчиками, так что надо иной раз восстанавливать его в изданиях, писал Мадвиг (*Io. Nic. Madvigii Adversaria critica ad scriptores Graecos et Latinos* II [Hauniaie 1873] 278).

⁴⁸ Отметим здесь же остроумную конъектуру Г. Зенгера к с. 38, 2, не учитываемую западными издателями: *malest me hercle, <male> et laboriose* (Г. Зенгер. К вопросу о так называемом “зиянии” у римских поэтов // *Гермес* 1909, 439). Это тем досаднее, что такого филолога, как В. Кроль (*op. cit.*, 72), не удовлетворяла ни одна из предложенных ранее поправок. Уходить от *et laboriose* было бы неосторожно на фоне давно привлекавшегося для сравнения с. 1, 7 (ср. выше прим. 29–32). К тому же, ссылкой хотя бы на с. 3, 16 Кроль обосновывал, что хиата бояться не следует.

⁴⁹ M. N. Wetmore. *Index verborum Catullianus* (New Haven 1912) 98 sq., s. v. sum.

⁵⁰ Schuster – Eisenhut (см. прим. 2) 114: *Index metricus*, s. v. aphaeresis.

писное *satis beatus* с пометой 'fortasse recte'. При сопоставлении с упомянутой выше графой в Index metricus становится, впрочем, понятно, что они не за отсутствие связки, а за экономность в поправках; *satis beatus* для них предпочтительно, ибо оно почти безболезненно подводит к решению Бергга *satis beatu's*. Поскольку случаи, когда связка опущена, у Катулла несомненно имеются, кажется более правильным оставаться в с. 23, 27 при рукописном чтении, учитывая и подразумеваемый им грамматический смысл, тем более что указание на лицо, как и на связку, до некоторой степени подготовлено в ст. 15: *Quare non tibi sit bene ac beate?*

В случае 49, 7 издатели чаще принимают в текст *quanto tu optimus omnium patronus*, в то время как r (=cod. Romanus, Vaticanus Ottobonensis Lat. 1829) дает *omniums* с пометой: *sed s littera postea est cancellata*, — что Эллис изобретательно, но вряд ли верно осмыслил как *omnium's*. Другую возможность, судя по ссылке на этот стих в той же самой графе об афэрезе в метрическом индексе Шустера — Эйзенхута, признали эти издатели, толкуя *patronus* как *patronu's*. Думается, однако, что лучше, чем постулировать афэрезу сомнительного для Катулла типа, оставить и заключительный стих с. 49 без следов связки, тем более, что предыдущий стих грозил бы зевгмой <sum> и <es>. Приходится поэтому приветствовать решение А. Бардона, который и в 23, 27, и в 49, 7 принимает рукописную традицию в том виде, когда она не содержит ни связки, ни каких-либо следов ее. Последние два пассажа нам еще пригодятся по ходу дальнейшей аргументации.

Таким образом, к афэрезе *-u's* у Катулла не видно надежных, а к *-us't* — и вовсе никаких параллелей, а ведь даже наличие таковых являлось бы лишь одной из двух предпосылок, необходимых для того, чтобы е *coniectura*, но обоснованно восстанавливать связку в с. 38, 8. Дополнительное допущение о последующем исчезновении конечного согласного *-t* из рукописной традиции Катулла тем менее правдоподобно, что, как показывают аппараты ученых изданий, графика Катулловых рукописей обычно давала словоформы полностью,⁵¹ поясняя читателю не элизию,⁵² а грамматические отношения (в стихах эту манеру можно назвать "грамматикой для глаз"). Приходится поэтому признать гипотезу об афэрезе *maestius't* в с. 38, 8 и громоздкой, и шаткой, а следовательно неправдоподобной.

⁵¹ *Scriptio plena* наряду с графикой, отражающей процессы на стыке гласных, за свидетельствована и в надписях; см., например: E. Nachmanson. *Laute und Formen der magnetischen Inschriften*. In.-Diss. (Uppsala 1903 / 1904) 73.

⁵² В с. 38, 1 вопрос осложняется чтением *est si* в ст. 1 и *si* вместо *est* в ст. 2. Замечательно разъяснение, которое Бэрнс дает (*Catulli Veronensis liber...* 219) как написанию *si* вместо ожидаемого *est* вообще, так и чтению с. 38, 1–2 в частности: '*male est si' quod V tradit, solitam breviati illius 'st' librariis insoliti in 'si' corruptionem et simul additam correcturam 'est' habes*. Если это так, то приходится признать, что в какой-то период существования рукописной традиции хотя бы от случая к случаю имела место графическая передача афэрезы в связке.

Между тем это не единственная возможность представить себе с. 38, 8 как предикатную часть начатого в предыдущем стихе предложения. В самом деле, связка могла быть и просто *опущена* поэтом; иначе говоря, можно представить себе, что в с. 8 имеет место *эллипс* связки. Эллипс *esse* (по Штольцу – Шмальцу,⁵³ которые резюмируют множество частных исследований⁵⁴) – древняя черта многих индоевропейских языков, характерная в особенности для пословиц, сентенций и восклицаний (Ter. *Ad.* 390 f.: *inepta lenitas patris et facilitas prava*); сюда же относят формулу *felix qui...* (например, Verg. *Georg.* II, 490). Со второй разновидностью связывают опущение связки в эмпатических, нередко вводимых с помощью анафоры и содержащих (сильное) утверждение (или такое же отрицание), предложениях, как Cat. с. 64, 186: *nulla fugae ratio, nulla spes*;⁵⁵ с. 68, 34 sq.: *illa domus, / illa mihi sedes, illic mea carpitur aetas*; с. 97, 3 sq.: *nilo mundius hoc, nihiloque immundius illud, / verum etiam culus mundior et melior*. Авторы считают, что сперва в разговорном языке, а позже у историков опущенная связка своим отсутствием придавала высказываниям аподиктический, авторитетный характер.

В начале XX в. Э. Лэфстедт жаловался на отсутствие статистически точных и стилистически ориентированных исследований эллипса связки в прозе, так чтобы учитывались различные ее жанры, для чего отлично подходит творчество Цицерона.⁵⁶ Это положение в какой-то мере исправлено исследованием Р. Туоми.⁵⁷ Примечательно, что при грамматико-стилистической постановке вопроса графические и текстологические трудности часто становятся серьезной помехой для надежности выводов. Констатацию того, что в письмах эллипсы встречаются чаще, чем в речах,

⁵³ Fr. Stolz – J. H. Schmalz. *Lateinische Grammatik: Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik*. Bearb. von M. Leumann und J. B. Hofmann (=Hdb. d. AW, 2 Abt., 2 T. [München 1928]) 624–627, в особ. 625: Nominalsatz und Verbalellipse.

⁵⁴ J. Marouzeau. *Traité de stylistique appliquée au latin* (Paris 1935) 202–204, 218 suiv.; Th. Winter. *De ellipsi verbi esse apud Catullum, Vergilium, Ovidium, Statium, Juvenalem obvia*. In.-Diss. (Marpurgi Chatt. 1907).

⁵⁵ Следует отметить, что в с. 64, 186 *sunt* из следующего стиха может все-таки служить грамматико-стилистическим алиби в случае нежелания признать отсутствие грамматической связки.

⁵⁶ E. Löfstedt. Philologischer Kommentar zur 'Peregrinatio Aetherae'. *Untersuchungen zur Geschichte der lateinischen Sprache* (Uppsala – Leipzig 1911 [1962]) 333 f. ad *Peregr. Aeth.* 46, 6.

⁵⁷ R. Tuomi. *Studien zur Textform der Briefe Ciceros*. Untersuchungen einiger hinsichtlich der sog. Verbalellipse textkritisch verdächtiger Stellen (*Annales Universitatis Turkuensis* ser. B, t. 138. Turku 1975).

приходится признать почти тривиальной. Что касается стилистической информации, которой служит эллипс связки у Цицерона, Туоми связывает с таким эллипсом интонацию попутно брошенного замечания (парентетичность), некую аффектированную небрежность.⁵⁸

Хотя у Вергилия и Овидия эллипс различных форм от *esse* встречается заметно чаще, чем у Катутлла,⁵⁹ явление это определенно засвидетельствовано и у него. Винтер насчитывал у Катутлла 19 пассажей с эллипсом *est* и 12 таких, где, по его мнению, опущено *esse*.⁶⁰ Приняв названные выше классические пассажи с эллипсом у Катутлла (с. 64, 186; с. 68, 34 sq.; с. 97, 3 sq.), дающие на деле восемь случаев эллипса, и, напротив, исключив те места, где постулирование эллипса не оправдано,⁶¹ эллипсами у Катутлла следует признать также и с. 22, 6–7; с. 53, 5; с. 57, 3; с. 64, 184; не исключено отсутствие связки и в с. 73, 3–4, где конъектура <prodest>, уничтожающая эллипс, не вполне надежна; небесспорными, но вероятными, на наш взгляд, примерами эллипса связки являются также с. 23, 27 и с. 49, 7, уже разбиравшиеся выше в обзоре, касавшемся афэрезы у Катутлла. Названные последними пассажи, как и с. 53, 5, примечательны тем, что эллипс связки приходится именно *на концовку* этих стихотворений – в духе того, что кажется правдоподобным в с. 38, 7–8.

Что касается грамматического значения эллиптической конструкции, то из приведенных Т. Винтером примеров, взятых у Вергилия, назовем здесь особенно знаменитые случаи: такова серия, открываемая словами ‘triste lupus stabulis’ (*Buc.* 3, 80–83), или высказывание ‘varium et mutabile semper / femina’ (*Aen.* IV, 569).

⁵⁸ R. Tuomi. *Op. cit.*, 83.

⁵⁹ T. Winter (см. прим. 54) 56 f.

⁶⁰ Т. Винтер, обстоятельно обсуждая текстологически спорные примеры, нигде не приводит все признанные им случаи эллипса у Катутлла списком. В некоторых случаях говорить об эллипсе, на наш взгляд, невозможно – например, *deliciae meae puellae* в с. 2, 2 должно мыслиться как приложение к *passer*, так как в этом случае получается подобие анафоры, которая подходит к запячке о воробышке, между тем как (эллиптическая) предикация (даже с <fuit>) была бы неуместна в рассказе о нем же, когда он уже мертв.

⁶¹ Опускаем эллипс связки при *pote* как особый случай (с. 17, 24; с. 45, 5; с. 67, 11; с. 76, 16; с. 98, 1). В с. 68, 22 связка опущена только в *Oxoniensis*, притом с нарушением метра; с. 68, 27–28 – пассаж спорный, так как здесь можно говорить об *esse*, употребленном ἀπό κοινού; с. 112, 1 – похожий случай, но тут скорее видна путаница со связками, чем отсутствие связки.

Несколько удивительно, пожалуй, что одно и то же явление носит в себе черты разговорного тона и вместе какой-то особой весомости. Иногда кажется, что опущенная связка вносила в разговор атмосферу намека вместо полной ссылки на общепринятые, чаще всего оценочные утверждения: “<Кто не знает, что>...?”; “<Известное дело>...” и т. п. Этот оттенок способен соединять некоторую небрежность речи с силой утверждения; истина настолько несомненна, что не нуждается в утверждении, — о ней лишь слегка напоминают. Этот вопрос требовал бы, однако, отдельного исследования, наподобие того, как внимательно изучены тончайшие семантические оттенки *esse*.⁶²

Для восприятия концовки с. 38 безразлично, быть может, и то обстоятельство, что, судя по практике других авторов, которые прибегали к эллипсу чаще, связка нередко опускается при *сравнительной* степени прилагательного в употреблении, близком к наречному: Plaut. *Mil. glor.* 307; Ter. *Andr.* 437 (*nihil facilius*); Cic. *De leg.* III, 18 и т. п.; ср. Ter. *Eun.* 427: *nihil supra*. Поучительны, конечно, и эллипсы в *греческой* словесности, употребление которых в восклицаниях и в предложениях напоминает разбираемый нами случай.⁶³

Эллипс связки в с. 38, 7–8 тем более правдоподобен, что в самом с. 38 наблюдаются явления, несомненно, имеющие эллиптическую природу: (1) *hercule* в ст. 2 обязано своим существованием тем, что опущено несколько элементов, входивших в более полные фразеологические сочетания, причем такие, которые еще не забылись, существуя *рядом* с сокращенными вариантами;⁶⁴ (2) бессюзное *magis magis* в ст. 3 (эллипс союза также в с. 64, 274,⁶⁵ ср. ‘*magis atque magis*’ в с. 68, 48) и (3) вопрос ‘*sic meos amores?*’ в ст. 6.⁶⁶ Кроме того, и при возобладавшем

⁶² J. N. Adams. *Wackernagel's Law and the Placement of the copula esse in Classical Latin* (PCPhS Suppl. 18, Cambridge 1994) 69–75. Между тем, даже столь различные применения глагола со значением *copula* в качестве *verbum substantivum* создают иногда трудности при восприятии текстов даже и на родном языке. Так, в лермонтовской известной строчке “как будто в бурях есть покой” принято (это видно и по музыкальным акцентам в известном романсе) понимать “есть” как *verbum substantivum*, между тем как автор почти наверняка имел в виду “есть” как связку при предикативном “в бурях”, что дает более радикальную мысль: “парус” не желает знать покоя вне бури, а не ошибается, находя бурю вместо покоя.

⁶³ Э. Швицер (Ed. Schwyzer. *Griechische Grammatik* II [1950] 623) приводит литературу и примеры; из последних в нашем случае выделим Simon. 5, 1 sqq. Diehl².

⁶⁴ Ср. J. B. Hofmann. *Lateinische Umgangssprache* (Heidelberg 1936) 29 f.: ‘(ita) me Hercules (iuvet ut)...’.

⁶⁵ У Вергилия (*Georg.* IV, 113) бессюзное *magis magis* иногда воспринимают как подражание Катутлу.

⁶⁶ По тону, как отмечает В. Кремона (V. Cremona. *Sermo cotidianus – sermo poeticus // Aevum antiquum* 2 [1989] 111), эллипс при ‘*sic meos amores?*’ очень похож на эллиптический вопрос в с. 10, 31: *quid ad me?*

толковании конструкции в стт. 7–8, когда между ст. 7 и ст. 8 ставится запятая, в двух последних строках предполагался эллипс какого-нибудь *verbum praebendī*, что было бы правдоподобно, если бы не было сопряжено со смысловыми трудностями, сформулированными во вводной части нашего анализа.

Поэтому не будет, кажется, произволом уже сейчас признать, что эллипс связи в с. 38, 8 грамматически возможен и придавал бы концовке живой интонационный штрих. Правдоподобие именно такого эллипса в концовке с. 38 мы надеемся подкрепить ниже, исходя из литературной и психологической оценки с. 38 как целого, к чему время теперь заново обратиться.

Allocutio и Симонид Кеосский

Мы помним, что причина скорби поэта и трудности того положения, которое сам он переживает как бедственное, неизвестна (и таковой останется) в частностях, но понятна в целом. Обсуждавшиеся знаатоками причины удрученности Катулла не альтернативны; они, скорее всего, действовали *вместе*, составляя тот кризис, который осложнен еще и душевной глухотой Корнифиция. Тут мы подходим к теме *pietas* и *fides* в отношениях Катулла с друзьями – одной из ведущих тем его поэтического сборника.⁶⁷

Катулл высоко ставил дружбу, считая и естественным, и обязательным нежное отношение к друзьям (с. 65, 17–18; 68, 1–10, 149; 76, 1–9, 26; 87, 96; 102; 109), пока дружба не соскальзывала в свою противоположность, а поэт не нападал на прежних друзей с той же горячностью (с. 30, 60, 73, 77; cf. 40; 116).⁶⁸ Эта сторона характера поэта бросается в глаза и многократно обсуждалась.⁶⁹ Она хорошо выяв-

⁶⁷ M. von Albrecht. *Geschichte der römischen Literatur* I (Bern 1994) 283 (о Катулле): “Das Bild der Liebe ist in den Epigrammen am stärksten von römischen Wertvorstellungen geprägt, die aus subjektiver Erfahrung umgedeutet werden: Ehe (70), Elternliebe (72), pietas (73, 76), officium (75), foedus, fides (76; 87; 109). Insbesondere tritt amicitia hinzu, die – auch in Rom – keineswegs nur ‘politischen’ Klang hat”.

⁶⁸ Параллели К. Шельфо подобраны к с. 38, которое воспринимается как просьба: сс. 9, 12, 47, 102, 96, 50, 53, 68. Если бы он воспринимал концовку с. 38 как утверждение и упрек, он, наверное, включил бы это стихотворение скорее в серию инвектив против (бывших) друзей, на которую указано выше.

⁶⁹ J. Fourcade. *Dolor Catullianus I // Pallas* 23 (1976) 49 suivv., 60 suiv.

лена (и как раз в связи с анализом с. 38) у К. Шельфо,⁷⁰ который справедливо подчеркивает в характере поэта 'la lealtà del suo animo d'amico' и его же 'impulsività naturale ai fanciulli'.

Поэт тем требовательнее, что сам он старается быть образчиком дружеской *pietas* и *officium*: ни легковесные сетования приятеля на свои любовные невзгоды (с. 68), ни книжная просьба Гортензия (с. 65) не оставлены им без внимания, несмотря на то, что Катулл как раз в это время подавлен скорбью о потере брата. В сильных стихах Катулл утешает Кальва, потерявшего жену (с. 96). Послание с. 68, 1–30 вообще представляет собой удивительную готовность утешать невзирая на собственную нужду в утешении (v. 1–2): *quod mihi fortuna casuque oppresso acerbo / conscriptum hoc lacrimis mittis epistolium...*

Не менее богат и отрицательный опыт Катулла. Отсюда угроза божественного наказания за нарушенную дружбу (с. 30, 11): *at... meminit Fides*. Также и в с. 60 задетый Катулл не жалеет красок: поэт – *supplex*, друг – *Scylla*. Не чужда ему, наконец, и радикальная обида на весь свет сразу (с. 73, 3): *omnia sunt ingrata*.

Тема обид на небрежность друзей, конечно же, стара как мир. У Луцилия (*Sat. V. 182–189* = Aul. Gell. XVIII, 8, 2) есть такой пассаж: *quo me habeam pacto, tam etsi non quaeris, docebo*. Дальше выясняется, в чем виноват приятель: ... *quem visere nolueris, cum debueris*. Примечательно некоторое сходство в строении этого отрывка Луцилия и с. 38 Катулла: (a) Lucil.: *quo pacto me habeam* / Cat.: *male est*; (b) Lucil.: *quem... cum* / Cat.: *quem... qua*; (c) Lucil.: *visere...* / Cat.: *allocutione*.

Также и рассуждения об эпистолярной этике, ее нормах и нарушении последних можно считать одним из традиционных литературных мотивов. Образец достойного корреспондента виден, например, из письма Цицерона (*Att. VII, 15*): *ut ab urbe discessi, nullum adhuc intermisi diem quin aliquid ad te litterarum darem, non quo haberem magno opere quid scriberem, sed ut loquerer tecum absens; quo mihi, cum coram id non licet, nihil est iucundius*. Пассаж *Fam. XII, 20*: *sic igitur facies meque amabis et scripto aliquo lacesses* любопытен и тем, что слова эти обращены, как будто бы, к тому же Корнифицию.⁷¹

Итак, Катулл находит, что *pietas* и *fides* Корнифиция оставляют желать лучшего. На этом фоне, взвешивая еще раз возможные толкования вопроса 'sic meos amores?',⁷² приходится согласиться с Копли, что

⁷⁰ Carmelo Scelfo. Il carne XXXVIII di Catullo e il sentimento dell'amicizia in lui // *Mondo classico: rivista bimestrale bibliografica* 3 (1933) 494–96.

⁷¹ Ср. выше прим. 1 и 25.

⁷² F. O. Copley (см. прим. 21) 128 f.; C. J. Fordyce. *Catullus, A Commentary...* 183 f. Не станем отрицать, что в столь близко стоящем с. 40, 7 содержится инвектива про-

meos amores лучше понимать здесь не как обозначение кого-нибудь лица, страстно любимого поэтом, а самым, в сущности, простым способом, а именно как указание на *чувство* поэта (близко с. 13, 9).⁷³ ‘*Sic meos amores*’, как вопрос, действительно означает тогда: “(is it) thus (you hear) my love?”.⁷⁴ Перед нами в этом случае выражение нежной дружбы на лад южан, однако как раз чувствительность автора принимает опасный для адресата оборот: указание на (былую) любовь делает укор в черствости более горьким, а угрозу упразднения дружбы – заслуженной.

Далеко не безразлична для понимания смысла с. 38 и специфика употребления *allocutio*, *alloquium*, *alloqui*, давно отмечавшаяся *en passant* комментаторами и отчетливо преподнесенная в заметке С. Импеллицери.⁷⁵ *Allocutio* служило в Риме в качестве *terminus technicus*: это прежде всего предписанное этикетом *устное* изъяснение соболезнования скорбящему. Поэт, таким образом, сетует, что его друг не обратился к нему тотчас же со словами утешения, как того требует приличие.⁷⁶ О том, что бывает непросто сказать те самые “простые” слова, какие должны идти от сердца и к сердцу, Катутлу сей-

---

тив того, кто покусился на *amores* поэта, причем за последним выражением несомненно стоит лицо, какая-нибудь “любовь” Катутла *en personne*. Это, конечно, примечательно, как и то, что с. 38 располагается в Катутловом сборнике между двумя стихотворениями, написанными в одном размере, обращенными к одному лицу и имеющими одну и ту же тему, а потому сильно напоминающими две части одного стихотворения.

⁷³ Такова трактовка Копли (F. O. Copley, *ibidem*): нежность чувств поэта подчеркивает дефицит того же у адресата.

⁷⁴ *Meos amores* как plur. poet.: *ThLL*, I(1970) 9–29 s. v. amor.

⁷⁵ Опорным свидетельством является Varr. *LL* VI, 57. Этот и ряд других пассажей приводил, впрочем, не только Р. Эллис в своем комментарии (*A Commentary*, 105 f.), но уже комментарий 1604 г. (см. выше прим. 3). Можно добавить и другие высказывания авторов, подтверждающие “техническое” значение *allocutio*. Труднее согласиться с Импеллицери, когда он привлекает к визитам соболезнования поэзию Симонида, даже если Плутарх в своем специальном утешительном сочинении этого классика жанра цитирует (Plut. *Consol. ad Apollon.* 11, 107 B). К толкованию *lacrimae Simonidae* давно привлекалась параллель из Горация (*Epod.* 13, 17 sq.); и пение, и вино выступают здесь у Горация в роли персонифицированных утешителей.

⁷⁶ Так, у Сенеки (*Ad Helv. matrem* 1) говорится: *quid quod novis verbis nec ex vulgari et cotidiana sumptis allocutione opus erat ad consolandos suos ex ipso rogo caput adlevanti?* Однако и использованное Катутлом упрощение ситуации, нужное для усиления упрека, находит себе параллель у Петрония (Petr. *Sat.* 113, 8): *nec Giton me aut tralaticia propinatione dignum iudicabat aut, quod minimum est, sermone communi vocabat.*

час нет дела.⁷⁷ При том восприятии двух заключительных стихов, которое мы стараемся обосновать, *allocutio* друга признается чем-то более выражающим скорбное сочувствие,⁷⁸ чем стихи самого Симо­нида.⁷⁹

Не подразумевает ли это, что творчество Симо­нида у Катулла связывается с закоснелостью надгробных плачей в литературе? Само по себе такое было бы естественно, однако это вступало бы в проти­воречие с единодушным мнением античной литературной критики, по которому стихи Симо­нида признавались классическими благода­ря силе и подлинности выраженного в них чувства.⁸⁰ А ведь нет ос­нований думать, что страстный ценитель греческих поэтов Катулл считал иначе. Естественно, напротив, полагать, что и Катулл упоми­нает Симо­нида именно как недостижимый образец достоинства уте­шительного жанра. И если “простые” слова дружеского сочувствия, высказываемые при встрече лицом к лицу, все-таки представлены у римского поэта как нечто более ценное, чем литературный шедевр того же направления, то это означает, что сейчас состояние поэта та­ково, что ему (будто бы) не до поэзии, а нужно личное участие уте­шающего⁸¹ и небезразлично *время*, когда друг даст ему знак сочув­ствия.

⁷⁷ В пособии конца прошлого века для написания писем (La Baronne Staffe. *La Correspondance dans Toutes les Circonstances de la Vie* [Paris 1898] 8–9) читаем: “Les lettres de condoléance sont les plus difficiles à écrire... Le don de consoler appartient aux intuitifs donnés d’une grande bonté et d’une extrême délicatesse”.

⁷⁸ Ср. у самого Катулла (с. 65, 12): *semper maesta tua carmina morte canam*.

⁷⁹ Латинские прилагательные типа *Simonideus* вслед за их греческими прототипа­ми (Σιμωνίδειος, Εὐριπίδειος et sim.) обычно, как показывают материалы *TLG*, выра­жают (прямую) принадлежность соответствующему лицу, не типизируя используемое в них имя: ср. по смыслу Ἀριστοφάνειος в отличие от Ἀριστοφάνιστον. В словосочета­нии ἀνὴρ τις Σιμωνίδειος (Aristid. Or. 49. 67 = II, p. 163 Keil), прилагательное означает: “преданный Симо­ниду”; *Simonidius* в метрическом трактате (Servius. *De centum metris* = *GL* IV, 462 Keil) мыслится как “восходящий к Симо­ниду”.

⁸⁰ Наряду с Hor. Carm. II, 1, 38 интересны мнения античных комментаторов Гора­ция. Порфирион (p. 48 Meyer) называет лирику Симо­нида не *cantus*, а *planctus*. Весьма единодушны в признании Симо­нида классиком соответствующего жанра: Dion. Halicarn. *De imitat.* (epitom.) II, 6; Quintil. *Inst. orat.* X, 1, 64; Ps.-Longin. *De sublim.* 15, 7; Aristid. Or. 31, 2 = II, p. 212 Keil. Сюда же относится анекдот из *Vita Aesch.* (6) о Симо­ниде и Эсхиле, соперничающих в сочинении эпитафии павшим при Марафоне: дело конча­ется поражением трагика, что показывает неоспоримый авторитет Симо­нида как уте­шителя.

⁸¹ Arist. *Eth. Nic.* IX, 11. 1171 b 2: παραμυθητικὸν ὁ φίλος καὶ τῇ ὄψει καὶ τῷ λόγῳ.

В богатой античной *Konsolationsliteratur* с ее развитой практикой и теорией⁸² разработан и временной аспект утешения, о чем впоследствии высказывались многие: *Stat. Silv. II praef.: a confuso scriptum et dolenti datum, cum paene supervacua sint tarda solacia*. Были и другие отчетливо формулируемые требования к дружеским утешениям. Так, у автора *Ad Herennium*⁸³ II, 31, 50 читаем: *commiserationem brevem esse oportet: nihil enim lacrima citius arescit* (cf. Cic. *De invent.* I, 56, 109; *Partit. orat.* 17, 57).

Фигура *lacrimae Simonideae* в смысле *Simonidis carmina lacrimosa*⁸⁴ появилась у Катутла, по-видимому, благодаря совмещению представления о слезах сочувствия в ходе *allocutio*, с одной стороны, и о глубокой искренности Симонида, с другой. Упоминание языческого Параклета в с. 38 – не намек на “смертельно” тяжкие обстоятельства биографии поэта с указанием на подходящий к случаю жанр (будто бы) испрашиваемых стихов. Перед нами *гипербола*, и даже своего рода *ἄδύνατον*, основанное на историко-литературном материале: *lacrymae Simonideae* берутся как высшее достижение словесности.⁸⁵ Но особенность ситуации в том, что дружеское участие могло быть выше, а в нем-то друг и отказал поэту. Время, когда можно было легко превзойти Симонида, Корнифицием упущено. Греческий классик Катутла дорог, но жизнь, в особенности свою, он ставит *еще* выше. Осложняя связь мыслей в (отрицаемом нами) контексте просьбы, гипербола с именем Симонида вносит парадоксальность в (отстаиваемое нами) утверждение поэта в стт. 7–8. На фоне изображаемой поэтом беспомощности обозначается резкая инвектива, на которую у него определенно хватило сил.

В словах *paulum quid lubet* (=quidlibet) первый элемент передает количественный,⁸⁶ а второй – качественный аспект. причем *quidlibet* сильнее, чем *aliquid*, выражает равноду-

⁸² R. Kassel. *Untersuchungen zur griechischen und römischen Konsolationsliteratur* (Zetemata 18, München 1958).

⁸³ Любопытно, что автором этого текста называют некоего Корнифиция, которого, впрочем, нет оснований отождествлять с адресатом Катутла (см. выше прим. 1). Места из Цицерона с поговоркой о кратковечности слез собраны в исследовании: M. Swoboda. *De proverbii a Cicerone adhibitis* (Торуń 1963) 69.

⁸⁴ Идея Ф. Копли о возможном сборнике Симонида под названием *Δάκρυα Σιμωνίδου* (F. Corley [см. прим. 21] 127, п. 10) представляется поэтому не только не доказанной, но и надуманной. Решать, имеет ли в виду Катутл *Ἐρῆνοι* или надгробные эпиграммы, затруднительно, но этого не делает, наверное, и сам Катутл.

⁸⁵ Поэтому не вполне устраивает деперсонализованное восприятие слов *maestius lacrimis Simonideis* в смысле ‘sadder than the sad’ в духе Ф. Копли.

⁸⁶ *paulum* с. gen. (loculi, agelli, pecuniae: saevitiae etc.) – ходкая фразеологическая модель (Ilse Reinecke, s. v. paulus // *ThLL* X 834, 55 sqq.)

шие к качеству. Труднее решить вопрос о том, какое из двух слов в паре *paulum quidlibet* является определением, а какое определяемым. Судя по (частичной) параллели с. 2, 6 *scire nescio quid lubet iocari*, автор как субстантивный элемент воспринимал скорее *paulum: quid lubet* / *quidlibet* употреблено, напротив, скорее адъективно: ср. с. 1, 8–9 *quidquid hoc libelli qualescumque* – концовка, которая по лексике и по тону кое в чем напоминает с. 38.

Из (отстаиваемой здесь) предикативной связи между *paulum quid lubet* и (*maest*)*ius* образуется, пожалуй, и еще одно парадоксальное соотношение: *малое* оказывается действенным, а значит и *больше величайшего*.

Стихотворение, имеющее форму письма к Корнифицию, показывает грамматические структуры, соответствующие чувствам, какие оно призвано было выразить. В этом образчике римской *Gelegenheitsdichtung* с предельной естественностью воспроизведен эпистолярный стиль (*Briefstil*), чертами которого является краткость и аллюзивность, использование фразеологизмов, изобилие эллиптических оборотов, которые, несмотря на мнимую расслабленность, придают дикции эмфатичность.⁸⁷ В словах *male* и, тем более, *laboriose est* использовано наречие в предикативной роли, что также носило коллоквиальный характер; *paulum allocutionis* вместо, скажем, *minima* или *brevissima allocutio* – тоже разговорный, но и несколько манерный, ибо грецизирующий, способ выражения.⁸⁸

Если наше восприятие заключительных строк стихотворения справедливо, то содержащееся в них утверждение носит в контексте целого объясняющий, причинный характер. При паратаксисе это приняло бы форму: *<est enim> paulum allocutionis maestius etc.* (ср. с. 35, 17–18) или, при гипотаксисе, форму придаточного предложения причины: *cum paulum... allocutionis lacrimis... maestius sit*. То, что указанное логическое отношение выражено не только эллиптически, но и на основе паратаксиса, – это еще одна черта стилизации под разговорный стиль.

Кульминация в концовке: выговор приятелю

Итак, если, по общепринятому пониманию заключительных строк, в них содержится мольба о стихах, а имя Симонида подсказывает жанр (то ли в связи со смертью близких, то ли в предчувствии

⁸⁷ Оценка такого рода дикции у Эллиса (*A Commentary...*, 105 f.): 'the omission of the verb belongs to the rapid and summary language of emotion and gives a tinge of everyday feeling'. Он приводит и примеры из Цицерона: *Cic. Att. I, 2 abs te tam diu nihil litterarum?*; *Fin. II, 6, 17: Finem, inquit, interrogandi, si videtur*.

⁸⁸ В. Кремона. *op.cit.* (см. прим. 66) 99, собрал параллели из Катуллы: с. 1, 8 sq.: *quidquid hoc libelli*; с. 31, 14: *quidquid puellarum*; с. 99, 6: *tantillum saevitiae* и др.

собственной кончины, то ли гиперболически, по поводу иных невзгод), то на деле стихотворение **кончается укором**, венчающим досаду, которой насыщено с. 38 в целом. Укор сопряжен с отказом от каких бы то ни было стихов, поскольку время утешения упущено. Рожденное частной ситуацией утверждение стт. 7–8 получает при этом толковании обобщенно-афористическое значение. Стихотворение резче по тону и ближе подходит к темпераменту поэта; как бы ни было поэту плохо, сил остаться самим собой у него хватило. Если искать в стихотворении просьбу, то выражена она разве что *косвенно*, выступая в форме обидной для адресата констатации. Впрочем, не только в любви, но и в дружбе Катулл сам же более других страдает от разлада; не только с Лесбией – иногда и с друзьями Катулл готов возвращаться к прежнему (с. 96, 3–4 – великие слова о трагическом в дружбе). Так и в с. 38 Катулл, видно, колеблется между горечью обманутых чувств и надеждой вернуть утраченную дружбу – ведь как раз у него можно встретить это чередование инвективы и дружества к одному и тому же лицу в пределах одного и того же стихотворения (*perfide* и *tui dulcis amicali* в с. 30, 1–3).⁸⁹

На вопрос о том, имеем ли мы дело с письмом в стихах или со стихами в форме письма, ответить трудно; но можно и не отвечать на вопрос, который, пожалуй, затруднил бы и самого автора. Сходство небольшого стихотворения с житейской запиской представляет собой, скорее, иллюзию, порождаемую высоколитературной имитацией разговорного стиля, что, впрочем, не исключает коммуникационного назначения того же текста. Артисты, в особенности поэты, по собственной прихоти то разъединяют жизнь и искусство, то соединяют их; именно поэтому то обстоятельство, что с. 38 представляет собой выраженный в литературной форме отказ от литературных форм общения, содержит внутреннее противоречие, хотя поэт вряд ли сознавал его.

Без запятой, при помощи которой разделялось бы неразделимое – стт. 7–8⁹⁰ (*paulum quid lubet allocutionis / maestius [scil. est] lacrimis*

⁸⁹ Поэтому справедливо, нам кажется, высказанное недавно мнение (J. W. Beck. 'Lesbia' und 'Juventius' [Hypomnemata 111, Göttingen 1996] 220), согласно которому с. 38 скорее подчеркивает дружбу, чем обиду. Ср. выше с. 4.

⁹⁰ Обратим внимание на то, что постановка запятой между ст. 7 и ст. 8 (не на практике, а по существу) исключает предикативный характер ст. 8, между тем как отсутствие запятой (ср. прим. 37, 38, 40) еще не гарантирует такого толкования. Это доказывает пример А. Турнеба: занимаясь выражением *cuniculosa Iberia* (с. 37, 18), французский филолог касается вопроса об интерпункции и толковании с. 38: он ставит запя-

Simonideis),⁹¹ художественная записка Катутла к не спешившему утешить его Корнифицию получает концовку, которая, являясь грамматически не менее удовлетворительной, чем традиционная, дает более связный контекст и яркую, соответствующую характеру Катутла кульминацию: “Да ведь в самой малости живого и своевременного участия больше дружества, чем в слезных шедеврах великого Симо-нида”. Искусство в этом случае отнюдь не унижено, но, в отличие от эстетов, поэт не станет возвеличивать искусство перед жизнью.

А. К. Гаврилов

Bibliotheca classica Petropolitana

Der Verf. argumentiert für eine nicht ganz neue, zu Unrecht beiseite geschobene grammatische Interpretation der zwei letzten Verse von *Catull 38*. Er schlägt vor (wie schon Th. Heyse und einige Übersetzer nach ihm), das Komma nach V. 7 zu tilgen und V. 8 als Prädikat von V. 7 aufzufassen. Danach ist der Satz in V. 7f. nicht mit Ellipse von <da> oder <praebe> zu erklären. Denn das würde eine an Cornificius gerichtete flehentliche Bitte ergeben, was bei Catulls Charakter eher befremdlich erschiene. Zudem wäre es seltsam, daß eine von einem Dichterfreund geforderte Leistung, die die klassische Simonideische Darstellung des echten Mitleids mit dem menschlichen Schicksal überbieten sollte, als *minimum facillimumque* und ein *paulum quid lubet* bezeichnet würde. Ein zweiter Widerspruch ergibt sich zwischen dem herkömmlichen Verständnis des Gedichtes einerseits als literarisches Geplänkel der Dichter, andererseits als Ausdruck echten Leidens Catulls.

Viel eher bringt der letzte Satz des Gedichtes – ohne die syntaktische Trennung der beiden Verse – eine traurige Lebenswahrheit zum Ausdruck. Ein grammatisches Problem ergibt sich in diesem Fall aus dem Fehlen einer *copula*. Dafür bieten sich zwei mögliche Lösungen an: die Annahme einer Aphärese in einem *est – maestius’ t* (mit nachfolgendem Verlust des Endkonsonanten in der handschriftlichen Überlieferung), oder – was nach der Meinung des Verf. eher plausibel ist – die

---

тую в конце ст. 6, после ст. 7 не интерпунгирует, а последнюю строку заключает в просительным знаком. Смысл концовки он поясняет следующим образом: “Itane vero allocutio brevissima eaque moestissima potuit consolari meos amores...? ...itaque per reticentiam subaudiendum est solaretur”. Турнеб, иначе говоря, в качестве эллипса в ст. 6–8 (начиная с sic) предполагает *verbum consolandi*; ст. 8 оказывается у него приложением к ст. 7 и без запятой перед последним стихом.

⁹¹ Ставить ли в конце ст. 8 точку или восклицательный знак – это дело вкуса; нарастающее напряжение чувства под конец стихотворения неоспоримо в любом случае.

Annahme der im gesprochenen Latein anscheinend weit verbreiteten Ellipse der copula vom Typ: *varium et mutabile semper / femina* (Verg. *Aen.* 4, 596). Neben anderen Ellipsen, die u. a. im selben c. 38 zu beobachten sind (*magis magis* V. 3, *sic meos amores?* V. 6), gibt es bei Catull an 20 Ellipsen der copula u. a. auch am Ende eines Gedichts (c. 23, 27 und 49, 7).

C. 38 handelt offenbar von echten, nicht näher erklärten (d. h. dem Adressaten bekannten) Leiden des Dichters. In der vom Verf. befürworteten Form wird der am Ende des kleinen Gedichts ausgesprochene Vorwurf Catulls an seinen Freund erst recht bitter: Die Zeit für freundschaftliche Hilfe ist verpaßt worden. Entgegen der herkömmlichen Interpretation fordert Catull von seinem Freund eben *gerade keine gefühlsvolle* Dichtung, sondern menschliches Mitgefühl.